

⁶ Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

⁷ Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

⁸ Концепция судебного права разрабатывалась процессуалистами-классиками И.В. Михайловским, Е.В. Васьковским, И.Я. Фойницким, В.А. Рязановским, позже – М.С. Строговичем, Н.Н. Полянским и др. (см., напр.: Полянский, Н.Н. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, М. Мельников. – 1983; Мурадян, Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов): монография / Э.М. Мурадян. – М., 2003; Петрухин, И.Л. Судебное право / И.Л. Петрухин // Уголовный процесс. – М., 2000; Милицын, С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права / С.Д. Милицын. – Свердловск, 1991. – С. 55-57).

⁹ См.: Шманатова, В.Е. Указ. соч. – С. 4.

¹⁰ См.: Ефимичев, П.С. Новый УПК России и защита интересов личности и государства / П.С. Ефимичев // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 25.

¹¹ См.: Александрова, З.Е. Словарь русского языка: практический справочник / З.Е. Александрова. – М., 1989. – С. 481.

¹² См.: Бандурин, С.Г. Публичность как принцип уголовного судопроизводства и его действие в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук / С.Г. Бандурин. – Саратов, 2004. – С. 93.

¹³ Шейфер, С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ: шаг вперед? / С.А. Шейфер // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 35-42.

¹⁴ См.: Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. – М., 1975. – С. 87.

*В.А. Лазарева**

НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Судебная практика свидетельствует о наличии серьезных отступлений от принципов уголовного процесса при рассмотрении судами уголовных дел. Состязательная форма уголовного судопроизводства, предполагающая полную независимость суда от стороны обвинения и свобо-

* © Лазарева В.А., 2007

Лазарева Валентина Александровна – д-р юрид. наук, профессор, Самарский государственный университет

ду от предварительных выводов обвинительной власти продолжает оставаться идеальной моделью, не воспринятой судебной практикой. Сложившиеся в течение многих десятилетий стереотипы судебной деятельности, как естественного продолжения предварительного расследования, сдерживают процесс внедрения состязательной модели уголовного судопроизводства в практику, способствуют сохранению привычки органов обвинения разделять с судом обязанность доказывания обвинения. Особую тревогу вызывает наличие обвинительных тенденций в практике Верховного Суда РФ, кассационные и надзорные решения которого воспринимаются судами страны как официальное и обязательное толкование уголовно-процессуального закона. В определенной мере ответственна за это процессуальная наука, не выработавшая единого подхода ко многим институтам нового Уголовно-процессуального кодекса, сохраняющая диаметрально противоположные их оценки. Не имеющая достаточно четких ориентиров, практика вырабатывает собственные представления о должном, которые закономерным образом отражают старые воззрения судейского корпуса и соответствуют потребностям функционирования судебной системы.

Одной из наиболее негативных тенденций судебной практики является сохраняющееся стремление любым путем обойти категорический запрет на использование показаний подозреваемого, обвиняемого, полученных с нарушением права на защиту и не подтвержденных обвиняемым в судебном заседании (ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Вводя такое правовое регулирование, уголовно-процессуальный закон не связывает недопустимость доказательства с возможностью проверки достоверности содержания показаний обвиняемого с помощью других доказательств. Установленный законом запрет носит в этом отношении безусловный характер, а нарушение права на защиту — характер необратимого: оно не может быть нейтрализовано путем реконструкции следственного действия как в некоторых других случаях.

Закрепленное ст. 75 УПК РФ правило обеспечивает право человека хранить молчание, защищает свободу подозреваемого, обвиняемого в выборе стратегии и тактики защиты. Использование различных уловок для получения признания не только подрывает это право, но и превращает установленный ст. 75 УПК запрет в фикцию. Одна из таких уловок состоит в использовании судами в качестве доказательства явки с повинной. Практика обоснования обвинения протоколами или заявлениями о явке с повинной приобрела широкомасштабный характер.

УПК определяет явку с повинной как устное или письменное добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении, используете-

мое в качестве повода к возбуждению уголовного дела (ст. 140, 142). Это значит, что официальное лицо получает первичные сведения о совершенном преступлении именно от явившегося с повинной гражданина. Поэтому там, где о совершенном преступлении стало известно из иных источников, например при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти, явка с повинной не может рассматриваться в качестве повода к возбуждению уголовного дела: уголовное дело должно быть возбуждено независимо от наличия или отсутствия сведений о совершившем преступлении лице. Явка с повинной, оформленная после того, как органу расследования стало известно о совершенном преступлении, не соответствует смыслу рассматриваемых положений УПК.

В то же время совершившее преступление лицо не может быть лишено права в устной или письменной форме сообщить о своей причастности к преступлению, уже ставшему известным органам расследования. Нет и прямого запрета на оформление такого сообщения как явки с повинной, если это действительно добровольная акция совершившего преступление лица, значительно облегчающая и упрощающая процесс раскрытия преступления, а потому и рассматриваемая уголовным законом как обстоятельство, смягчающее ответственность. Ошибки судов первой инстанции, не рассматривающих «запоздалую» явку с повинной в качестве смягчающего ответственность обстоятельства, как правило, исправляются в кассационном порядке. Повинившийся обвиняемый в любом случае заслуживает снисхождения. Однако практика использования судами явки с повинной в целях изобличения обвиняемого в совершении преступления идет вразрез с установленными законом правилами допустимости доказательств.

Говоря о том, что «дача явки с повинной после возбуждения уголовного дела при соблюдении требований ст. 142 УПК РФ не является основанием для признания ее недопустимым доказательством»¹, Верховный Суд, по сути, признает, что явка с повинной не является одним лишь поводом для возбуждения уголовного дела, а может быть использована также в качестве доказательства. Само по себе такое толкование явки с повинной не противоречит нормам уголовно-процессуального права, допускающим использование полученных законным путем документов в качестве одного из видов доказательств. Однако вопрос о правовой природе и условиях допустимости этого вида доказательства в практике Верховного Суда РФ решается непоследовательно и противоречиво.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала несостоятельными доводы кассационной жалобы адвоката о том, что при рассмотрении уголовного дела в отношении Б. в суде

присяжных была незаконно исследована и использована в качестве доказательства явка Б. с повинной, написанная после его задержания под диктовку оперативных работников. Судебная коллегия указала, что судом первой инстанции проверялись обстоятельства, при которых Б. была сделана явка с повинной, и суд обоснованно признал явку с повинной допустимым доказательством².

В кассационном определении по делу М. Верховный Суд также указал, что явка М. с повинной обоснованно признана допустимым доказательством, так как получена она, как видно из материалов дела, с соблюдением норм уголовно-процессуального закона. Протокол явки с повинной М., как следует из материалов дела, составлен 25 сентября 2004 года в 16 часов, а согласно протоколу задержания М. был задержан в тот же день в 18 часов 40 минут. Таким образом, при составлении явки с повинной М., с точки зрения Верховного Суда, не являлся подозреваемым по делу³, из чего следует, то он не мог рассчитывать на предоставление ему соответствующих процессуальных гарантий.

Такая практика Верховного Суда фактически позволяет судам использовать в качестве обвинительного доказательства признание обвиняемым своей вины, полученное в отсутствие предусмотренных законом гарантий права на защиту, при условии подтверждения добровольности признания другими, очевидно, более объективными с точки зрения судов, доказательствами. В определении от 15.06.2005 г. по делу Л. Верховный Суд счел возможным, например, сослаться на показания сотрудника милиции Федорова, засвидетельствовавшего, что Л. написал явку с повинной добровольно⁴.

Справедливости ради надо сказать, что Верховный Суд иногда и отвергает доказательственное значение явки с повинной, однако мотивы принятия такого решения не соответствуют закону. Интересно в этом отношении дело Ландовского. Отменяя обвинительный приговор, Верховный Суд указал, что судом первой инстанции не дана оценка доводам Ландовского, отрицающего добровольность явки с повинной и сообщившего, что он был задержан 21 января 2004 г. на рабочем месте в связи с подозрением его в убийстве. Из рапорта Писарева и протокола допроса в качестве свидетеля Мехешидзе следует, что оперативные работники уже 21 января 2004 г. проверяли Ландовского на причастность к убийству Петрова и Спирина. Из показаний Мехешидзе видно, что после того, как Ландовский, с которым 21 января была проведена беседа, отказался проехать в Столбовское ПОМ Чеховского ОВД, его задержали в административном порядке. 24 января 2004 г. Ландовский попросил

о встрече с одним из руководителей отдела внутренних дел, после которой изъявил желание написать заявление о явке с повинной.

22 января 2004 г. следователь прокуратуры вынес постановление о производстве выемки личных вещей Ландовского, поскольку на них могли быть следы преступления, по месту проживания Ландовского произведена выемка паспорта, джинсов и пустой бутылки из-под пива. Согласно материалам дела, Ландовский по постановлению мирового судьи от 23 января 2004 г. привлечен к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, а протокол явки с повинной Ландовского составлен 24 января 2004 г.

Приняв при таких обстоятельствах совершенно правильное решение, Верховный Суд РФ указал суду первой инстанции на то, что тот не в полной мере выяснил обстоятельства добровольности волеизъявления со стороны Ландовского, не дал оценки всем вышеуказанным обстоятельствам, которые имеют существенное значение для правильного разрешения вопроса о допустимости доказательства, как того требуют ст. 75, 235, 335 УПК РФ⁵.

Такая мотивировка решения Верховного Суда неправильно ориентирует судебную практику, так как не соответствует смыслу ст. 75 УПК РФ. Проблема использования явки с повинной в качестве доказательства заключается не в добровольности или недобровольности признания, а в наличии или отсутствии установленных законом гарантий права обвиняемого на молчание, в отсутствие которых **исключается обсуждение вопроса о добровольности сделанного лицом признания.**

Иная правовая позиция сформулирована Конституционным Судом РФ в Определении по жалобе В.Р. Подгузова на нарушение его прав статьей 142 УПК РФ. По мнению Конституционного Суда, эта статья не только не регламентирует порядок и условия использования явки с повинной в качестве доказательства, но и не содержит никаких положений, которые ограничивали бы действие норм уголовно-процессуального закона, в том числе статьи 75 УПК Российской Федерации, и отменяли бы обязательность их соблюдения при решении вопроса об оглашении в судебном заседании сделанного в ходе досудебного производства заявления о явке с повинной⁶.

Конституционный Суд РФ, таким образом, подтверждает неизбежность правила о недопустимости использования в качестве доказательства обвинения признания вины, полученного с нарушением права на защиту, если подсудимый не подтверждает этого признания в судебном заседании. Не является особой тайной, что заявление (протокол) о явке с повинной, как правило, появляется спустя значительное время после

фактического задержания подозреваемого⁷. Говорить о том, что составление протокола задержания спустя 2 часа 40 минут после подписания явки с повинной, как имело место в описанном выше случае по делу М., свидетельствует о добровольности сделанного лицом признания, — значит не только закрывать глаза на допущенное нарушение уголовно-процессуального закона, но и поощрять продолжение незаконной деятельности органов предварительного расследования.

Процедура получения признания в условиях задержания подозреваемого или близких к ним по своему функциональному назначению равнозначна допросу, проводившемуся без соблюдения присущих формальному допросу процессуальных гарантий. Поэтому, как неоднократно подчеркивал в своих решениях Европейский суд по правам человека, несмотря на отсутствие доказательств оказания прямого насилия в отношении лица, подписавшего заявление о признании, нельзя отрицать наличие психологического давления, которое нарушает добровольную природу признания⁸. Подтвердить добровольность своего признания может только сам обвиняемый в гласной, состязательной и справедливой процедуре судебного разбирательства. Если обвиняемый в суде заявляет об оказанном на него давлении или просто, немотивированно, отказывается от этого признания, то информация, добытая благодаря использованию такого инструмента, как явка с повинной, должна рассматриваться как полученная вопреки воле обвиняемого. Принятие ее во внимание в ходе разбирательства дела нарушает право обвиняемого хранить молчание и привилегию против самообвинения.

Иное толкование обесмысливает предусмотренные ст. 75 УПК РФ гарантии. Допрос подозреваемого обвиняемого становится ненужным, поскольку он легко может быть заменен и, как видим, успешно заменяется признанием, полученным вне законной процедуры.

Стремление не только получить, но и закрепить признание вины в условиях действия нового УПК РФ породило и другие негативные тенденции практики. Если раньше орган расследования стремился допросить подозреваемого и совершить направленные на «закрепление» полученного признания иные следственные действия в отсутствие адвоката-защитника, то сегодня установленные ст. 75 УПК РФ правила вынуждают их искать другие способы закрепления признания. Широкое распространение получила практика «навязывания» подозреваемому помощи защитника путем приглашения для участия в следственных действиях дежурного или якобы дежурного адвоката. При этом задержанному не разъясняется его право на получение квалифицированной юридической помощи путем приглашения защитника им самим или близ-

кими ему лицами (ч. 1 ст. 50 УПК), не обеспечивается право известить о задержании близких или других родственников (ч. 1 ст. 96 УПК), которые могут пригласить для него защитника, право отказаться от помощи защитника (ст. 52 УПК). Ошеломленный и дезориентированный фактом своего задержания, подозреваемый представляет собой отличный объект для манипулирования его поведением. Он не свободен в принимаемых решениях, которые не успевает обдумать и обсудить с тем защитником, которому он мог бы доверять.

Последующий отказ от признания, сделанного им в такой ситуации, практически бессмыслен, так как присутствие адвоката на допросе позволяет огласить показания подозреваемого в суде и использовать их для обоснования обвинения. Сегодня представляется наивным и преждевременным ожидать от судебной системы оценки таких показаний как недопустимых, хотя для нас является очевидным, что участие в допросе защитника не может рассматриваться как средство закрепления признания, а право на защиту не имеет ничего общего с теми уродливыми формами его обеспечения, которые складываются в нашей практике. Но даже при наличии формальных оснований для признания права на защиту нарушенным, суды совершают действия, направленные на реконструкцию допроса подозреваемого, не останавливаясь и перед установленным ч. 3 ст. 56 УПК РФ запретом на использование защитника в качестве свидетеля обвинения. Приведем лишь один пример подобного нарушения, хотя известное их количество уже позволяет говорить об очередной негативной тенденции.

Задержанный в качестве подозреваемого, К., согласно рассмотренной выше схеме, дал показания о совершении преступления — умышленного убийства, однако впоследствии, в том числе и в судебном заседании, отказался их подтвердить и сообщил об оказанном на него давлении, а также о том, что приглашенный следователем дежурный адвокат К-к при допросе не присутствовала, поскольку явилась к его окончанию и составлению протокола задержания. В судебном заседании обвиняемый и его защитник адвокат Т. заявили ходатайство об исключении протокола допроса подозреваемого как недопустимого доказательства, поскольку доводы обвиняемого о нарушении права на защиту подтверждались отсутствием подписи адвоката К-к в этом протоколе. По ходатайству государственного обвинителя и вопреки возражению стороны защиты суд допросил адвоката К-к и полученными свидетельскими показаниями о том, что адвокат присутствовала при допросе, но забыла его подписать, обосновал в приговоре вывод об отсутствии нарушения права на защиту и, соответственно, о допустимости показаний подозревае-

мого. Оставляя в стороне вопрос о соответствии поведения адвоката Кк правилам адвокатской этики⁹, нельзя не увидеть обвинительной направленности судебной деятельности в уголовном деле, обвинение по которому было основано исключительно на показаниях подозреваемого, полученных при вышеуказанных весьма сомнительных с юридической точки зрения обстоятельствах.

Следует сказать, что в судебной практике широко распространены допросы в качестве свидетелей лиц, осуществлявших процессуальные действия в ходе досудебного производства в целях подтверждения обстоятельств их проведения для использования полученных при этом результатов в качестве обвинительных доказательств. Суды допрашивают следователей, дознавателей, прокуроров и их заместителей при наличии сомнений в возможности использования тех или иных сведений в качестве допустимых доказательств, тем самым «нейтрализуя» допущенные ими процессуальные правонарушения. Подобная практика, с точки зрения Верховного Суда РФ, не противоречит требованиям закона¹⁰, хотя, на наш взгляд, такое толкование закона небесспорно. Суд принимает решение о том, имело ли место процессуальное нарушение, отраженное протоколом следственного действия, располагая противоположными по содержанию заявлениями (по сути, показаниями) обвиняемого и показаниями (по сути, заявлениями) следователя. Принятое при таких обстоятельствах решение в пользу допустимости доказательства явно указывает на нарушение принципиальных положений ст. 17 УПК РФ, ибо показаниям должностного лица, осуществляющего при этом функцию обвинения, отдается немотивированное предпочтение.

Заслуживает самого серьезного внимания и судебная практика возвращения прокурору уголовного дела для устранения нарушений уголовно-процессуального закона, препятствующих постановлению судом приговора. Суды оставляют без должного реагирования нарушения установленного ч. 2 ст. 237 УПК срока устранения допущенных нарушений, а также изменение после возвращения дела прокурору обвинения в худшую для обвиняемого сторону.

Как известно, в Постановлении от 8 декабря 2003 года N 18-П Конституционный Суд РФ, подтвердив полномочие суда возвращать уголовное дело прокурору для устранения допущенных в досудебном производстве существенных нарушений уголовно-процессуального закона и признав ч. 4 ст. 237 УПК РФ, не позволявшую осуществлять необходимые для этого следственные и иные процессуальные действия, не соответствующей Конституции РФ, указал, что недопустимость осуществления таких действий лишала бы смысла возвращение уголовного дела

прокурору и не позволяла бы восстановить нарушенные права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, лишив их реальной судебной защиты. При этом ч. 2 ст. 237 УПК РФ, устанавливающая 5-дневный срок для устранения допущенных в ходе досудебного производства нарушений, Конституционным Судом не пересматривалась. Однако в судебной практике неоднократно возникали случаи существенного превышения органами расследования этого срока под различными предлогами. Некоторые прокуроры, получив из суда уголовное дело, выносили постановления о его возвращении на дополнительное расследование или просто продляли срок предварительного расследования со ссылкой на ч. 6 ст. 162 УПК РФ. В ряде случаев по возвращенному уголовному делу следователем выносилось постановление о его прекращении, которое затем отменялось прокурором, что вновь позволяло со ссылкой на ч. 6 ст. 162 установить срок расследования, а также предъявить обвиняемому новое более тяжкое обвинение, обойдя, таким образом, установленный ст. 237 запрет на восполнение неполноты следствия.

Этой практике, к сожалению, попустительствует и Верховный Суд РФ. Надзорная жалоба адвоката по делу Горбачева и Попова Верховным Судом была отклонена в связи с тем, что установленный ст. 237 УПК срок устранения нарушений, препятствующих рассмотрению дела, был прокурором продлен в пределах его полномочий. Отменяя приговор Кемеровского областного суда по аналогичному делу, Верховный Суд РФ указал, что по возвращенному судом прокурору Кемеровской области делу в связи с истечением пятидневного срока все процессуальные действия старшим следователем прокуратуры были совершены за пределами предусмотренных законом сроков устранения нарушений, поскольку прокурором **срок дополнительного следствия свыше установленного ч. 2 ст. 237 УПК РФ не устанавливался и не продлялся.**

Не соответствие этой практики действующему закону очевидно, однако Конституционный Суд своим Определением от 2 февраля 2006 г. фактически узаконил дополнительное расследование, указав, что по смыслу вышеприведенных правовых позиций требование о соблюдении пятидневного срока, в течение которого прокурор обязан обеспечить устранение иных, указанных в ч. 1 ст. 237 УПК Российской Федерации препятствий к рассмотрению уголовного дела судом, на случаи возвращения судом уголовного дела прокурору по основанию, связанному с необходимостью устранения существенных неустранимых в судебном производстве нарушений закона, распространяться не может¹¹.

В то же время Конституционный Суд оговорил, что возвращение в такого рода случаях уголовного дела прокурору с последующим проведением по нему необходимых процессуальных действий не должно быть связано с решением задачи восполнения неполноты произведенного дознания или предварительного следствия в качестве самостоятельной задачи. Таким образом, если восполнение неполноты предварительного расследования произведено не в качестве самостоятельной задачи, а в связи с устранением существенных нарушений закона, обусловивших возвращение дела прокурору, оно, по мысли Конституционного Суда, правомерно. По сути, Конституционный Суд РФ отменил правовую норму без рассмотрения ее на предмет соответствия Конституции РФ, то есть превысил свою компетенцию и фактически позволил производить дополнительное расследование в обход установленного ст. 237 УПК РФ и им же обоснованного рядом своих постановлений запрета.

Рассмотренная позиция Верховного Суда РФ по целому ряду принципиальных вопросов является прообвинительной, подрывает состоятельность судопроизводства и авторитет судебной власти как власти, действительно независимой от обвинительных выводов органов уголовного преследования.

Примечания

¹ См.: Верховный Суд РФ. Кассационное определение от 2 ноября 2005 г. по делу №81- о05-69.

² См.: Верховный Суд РФ. Кассационное определение от 29 июня 2006 года по делу № 9-о06-39сп.

³ См.: Верховный Суд РФ. Кассационное определение от 20 июля 2006 года по делу № 63-о06-4сп. Заметим, что данное судом толкование понятия подозреваемого отличается от конституционного смысла этого понятия, данного в известном Определении Конституционного Суда РФ по делу В. И. Маслова.

⁴ См.: Верховный Суд РФ. Кассационное определение от 15 июня 2005 года по делу № 81-о05-25.

⁵ См.: Верховный Суд РФ. Кассационное определение от 15 марта 2005 года по делу № 4-о05-23сп.

⁶ См.: Конституционный Суд РФ. Определение от 20 октября 2005 года № 391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Подгузова Василия Романовича о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 октября 2004 года N 326-О».

⁷ Адвокатская практика автора свидетельствует о том, что понятие фактического задержания как момента фактического лишения лица свободы передвижения в уголовном судопроизводстве не находит своего применения. Принудительное

доставление в органы внутренних дел и многочасовые беседы оперативных сотрудников с подозреваемым в совершении преступления лицом, результатом которых зачастую и выступает явка с повинной, судами, решающими вопрос о мере пресечения, в качестве задержания не рассматриваются. Временем задержания суд обычно считает время составления протокола о задержании, несмотря на наличие совершенных до составления протокола обысков и допросов.

⁸ См. об этом: Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК общепризнанных принципов и норм международного права: дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Б. Алексеева. – М., 2003. – С. 39.

⁹ Вопрос этот был предметом рассмотрения органами адвокатского сообщества Палаты адвокатов Самарской области и действия адвоката К-к признаны не соответствующими ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодексу профессиональной этики адвоката.

¹⁰ См., например: Верховный Суд РФ. Определение от 2 ноября 2006 года № 4-о06-139сп.

¹¹ См.: Конституционный Суд РФ. Определение от 2 февраля 2006 года № 57-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности частей второй и пятой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 3.

*Н. Е. Петрова**

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Общество не может существовать без конфликтов, и всякое нарушение права предполагает ответ. Характер и интенсивность реакции непосредственной жертвы правонарушения в формах самоуправства и кровной мести последовательно ограничивались и смягчались государством, которое постепенно отбирало у пострадавшего и его родичей функцию адекватного воздаяния. Общество вырабатывало определенное отношение к отклоняющемуся (девиантному) поведению своих членов и также отвечало на него более или менее агрессивно. Со временем система воздаяния за содеянное выросла в колоссальное государственное образова-

* © Петрова Н. Е., 2007

Петрова Наталья Евгеньевна – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет